

Исторические традиции и социально-правовая ценность личной безопасности

А.Н.Агапов

Пензенский государственный университет

Право
безопасность

Ключевые слова: личная безопасность, социально-правовая ценность, исторические традиции, правовая культура, нигилизм, правовые ценности

Адрес для корреспонденции: aleksei_agapov@inbox.ru

В современной литературе по юриспруденции, в частности по теории государства и права, право рассматривается в качестве социальной ценности, при этом не только инструментальной, но и субъективной (например, обеспечение упорядоченной свободы и справедливости). Поэтому аксиологический подход исследования, которому посвящена данная статья, дает возможность рассматривать личную безопасность (ЛБ) как социально-правовую ценность, которая реализуется в условиях российской демократии и правового государства.

В современных исследованиях больше внимания стало уделяться анализу различных источников и предпосылок права, в которых можно увидеть истоки права ЛБ.

Нормы, составляющие и обеспечивающие институт ЛБ, имелись еще в самых первых известных истории правовых актах. Так, еще в мифологии существовали истоки правовых представлений (о правильном, справедливом, нормальном и т.п.). Затем наиболее устойчивые и глубокие мифологические образы и представления древних людей о порядке, гармонии и дисгармонии, нарушении порядка и его восстановлении, о деянии и воздаянии, норме, обычае и последствиях их нарушения и т.д. как некоторый предправовой материал проник в правовую культуру через юридические тексты, в которых можно найти некоторые первосновы ЛБ [1, с. 176-178]. Например, древнегреческая и древнеримская мифологии отличались разнообразием, глубиной и детальной «проработанностью» предправовых мотивов и сюжетов (так, у греков — это мифы о

Фемиде, богине права и справедливости, у римлян же аналогией греческой Фемиды была Юстиция («правосудие», «право»), часто изображавшаяся женщиной с весами) [2, с. 76].

Формулируя запреты на посягательства против жизни, здоровья и свободы подданного, гражданина или представителя привилегированного сословия, они были исторически первыми юридическими гарантиями безопасности личности. При этом особое значение имеет то, что уже тогда ЛБ защищалась законом не только от посягательств обычных людей, но и представителей государственной власти. Так, например, ст. 381 гл. 8 Законов Ману гласила: «На земле нет поступка более несоответствующего дхарме, чем убийство брахмана, поэтому царю не следует даже помышлять о его убийстве» [1, с. 179].

Но особый интерес, на наш взгляд, должны вызывать исторические традиции, сложившиеся именно в России, поскольку становление и развитие российского права, российской правовой культуры происходило по общим законам, которые характерны для генезиса любого права, любой правовой культуры. В то же время имелись и немалые особенности. Так, например, древнерусская мифология и языческая религия уделяли внимание пониманию природных явлений и процессов, мало обращаясь к организационным и социальным аспектам бытия. «Древнерусский человек не выделял, не воспринимал и не осознавал еще с достаточной четкостью социальности своего бытия, его нормативности, упорядоченности и иных характеристик, складывающихся в

предправовой комплекс» [2, с. 57]. Нет в комплексе древнерусских представлений аналогов греческой Фемиды (или римской Юстиции), отсутствует важнейший символ правосудия — весы.

К первоначалам российского права большинство авторов относят следующие:

- ▶ исключительная важность связи отечественного права с государством;
- ▶ преобладание коллективных форм хозяйствования (община, кооператив), опирающихся на трудовую элиту;
- ▶ преобладание коллективистских элементов правосознания и размытость границ личности и государства;
- ▶ традиционное единство права и государства с православием с его акцентом на духовной жизни человека и четкой этической позиции [6, 14, с. 69].

С развитием общества совершенствовалась правовая система в целом, а вместе с ней и юридические гарантии ЛБ [5, с. 69].

Качественные изменения в праве произошли в эпоху буржуазных революций, когда появились первые конституции. Важное место в них занимали нормы, прямо закреплявшие неприкосновенность личности, что свидетельствовало о логическом завершении формирования института, охранявшего ЛБ [9; 14, с. 57].

Защита личности и, соответственно, обеспечение ЛБ всегда в первую очередь означала защиту жизни и здоровья человека. Уже в первых памятниках древнерусского права, важнейшим из которых является Русская Правда, предусматривалась ответственность за отдельные виды посягательств на жизнь. В первых судебных, Соборном уложении 1649 г., законодательных актах Петра I складывалась система

В.И. Ленин рассматривал обеспечение личной безопасности в качестве обязательного требования, включавшегося во все проекты программы партии

норм о преступлениях против жизни и здоровья, закрепленная затем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845-1885 гг. При этом следует отметить, что многие нормы Уложения о наказаниях были казуистичны и архаичны, система составов преступлений против жизни и здоровья выглядела внутренне противоречивой и запутанной, не соответствующей уровню науки [10, с. 79].

Огромная работа проводилась по подготовке реформы российского уголовного законодательства на рубеже XIX-XX вв., результатом которой явилось Уголовное уложение 1903 г., затронула она и нормы о преступлениях против жизни и здоровья. Этот выдающийся памятник российского права, хотя и не стал в большей своей части действующим

законом, послужил основой для дальнейшего развития уголовного законодательства, в том числе о преступлениях против жизни. Преступления против жизни и здоровья как вид преступлений против частного лица (против личности) были помещены в гл. XXII Уголовного уложения [10, с. 102].

Еще В.И. Ленин рассматривал обеспечение ЛБ в качестве обязательного требования, включавшегося во все проекты программы партии. После Октябрьской революции, а точнее даже с первых дней своего существования, советское государство повело борьбу с преступлениями против жизни, здоровья и свободы граждан. Формы этой борьбы предопределялись жесткими условиями гражданской войны, поэтому гарантии ЛБ не были предусмотрены ни Конституцией РСФСР 1919 г., ни первыми конституциями других республик. Но 06.02.1922 ВЦИК РСФСР принял декрет «Об упразднении Всероссийской Чрезвычайной комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов» [4]. Декрет устанавливал, что аресты могли производиться сотрудниками ГПУ лишь по специальным постановлениям или ордерам за подписью Председателя ГПУ или губернского госполитотдела. Исключение делалось лишь при аресте преступника, захваченного на месте преступления. Но и в этом случае обязательным было санкционирование в течение 48 ч мер пресечения Председателем ГПУ или губернского госполитотдела [15]. Данные положения декрета получили развитие в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г.

В 1922 г. был принят и Уголовный кодекс РСФСР. В его особенной части наиболее детально была разработана гл. 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», предусматривавшая суровые наказания за их совершение. Так, кодекс 1922 г. принял трехчленное деление телесных повреждений: на тяжкие, менее тяжкие и легкие. Это, как отмечалось в литературе того времени, давало возможность более точно определить степень вреда, причиненного здоровью пострадавшего, и, как следствие, более правильно дифференцировать ответственность виновных лиц.

Уголовный кодекс 1926 г. существенно изменил место и систему телесных повреждений в уголовном законодательстве. Если гл. 5 УК 1922 г. «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» делилась в зависимости от свойств объекта на пять разделов (убийство; телесные повреждения и насилие над личностью; оставление в опасности; преступления в области половых отношений и иные посягательства на личность и ее достоинства), то Кодекс 1926 г. от такой системы отказался, и все преступления, посягающие на жизнь, здоровье, честь и достоинство, личную свободу, и иные были помещены в одну

шестую главу, без какого-либо подразделения на разделы. Кроме того, к этой же главе были отнесены все половые преступления, клевета и оскорбление, преступления против несовершеннолетних, т.е. все преступления, прямо или косвенно посягающие на личность [18].

Принятие этих законодательных актов свидетельствовало о том, что советское государство начало создавать правовой механизм обеспечения ЛБ. В 1936 г. деятельность государственных органов по защите жизни, здоровья и свободы граждан от противоправных посягательств получила конституционное обоснование. К сожалению, на этот же период истории советского государства приходится чудовищные нарушения ЛБ граждан, связанные с проведением массовых репрессий [5, с. 206]. В середине 50-х гг. был проведен ряд мероприятий по усилению гарантий ЛБ. В 1953 г. был ликвидирован внесудебный орган — Особое совещание при МВД СССР. В 1955 г. принято новое Положение о прокурорском надзоре, значительно усилившее роль прокуратуры как органа надзора за соблюдением законности и охраны прав граждан. Отменены чрезвычайные законодательные акты, предусматривавшие упрощенный порядок рассмотрения дел о террористических актах, об актах вредительства и диверсиях.

Уголовное законодательство РСФСР 1960 г. представляло собой более совершенную систему преступлений против здоровья и жизни, а также ставящих в опасность жизнь и здоровье. Система составов преступлений против жизни в Уголовном кодексе 1960 г. мало изменилась по сравнению с предыдущими законодательными актами. В преступлениях против телесных повреждений (а они продолжали так называться) были уточнены признаки составов преступлений, введены некоторые новые составы, проведено трехчленное деление телесных повреждений на тяжкие (ст. 108), менее тяжкие (ст. 109) и легкие (ст. 112).

Новый этап развития законодательства об обеспечении ЛБ наступил, на наш взгляд, с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 г., т.к. в него были внесены уточнения и дополнения в большинство норм о преступлениях против жизни и здоровья, затронута и система составов этих преступлений. Так, например, нормы о простом и квалифицированном убийстве объединены в одной статье [16, с. 44, 82]. Преимущества такой конструкции — не только в ее типичности для структуры статей Особенной части, но и в более правильной последовательности норм. С принятием Уголовного кодекса РФ система составов преступлений против жизни приобрела законченный вид.

На фоне таких правовых тенденций специфичным было и формирование правовой культуры общества,

происходящее «в значительной степени путем внедрения и вхождения непосредственно в смысл и суть жизни, а не только через усвоение обществом четкой схемы поведения и внешнего приказа» [3, с. 41], что в значительной степени повлияло на

Низкому уровню правосознания в общественном сознании соответствовал дефицит правопонимания в российской философии права и юриспруденции. Одни мыслители видели в праве могилу правды, другие — этический минимум, третьи отождествляли его с насилием и принуждением

личностное отношение к ЛБ. Российское общество как бы тяготит рациональность и технологичность права.

Низкий уровень развития правосознания был свойственен не только низам российского общества, но и верхам интеллигенции (и правительству). Соответственно, низкому уровню правосознания в общественном сознании соответствовал дефицит правопонимания в российской философии права и юриспруденции, детерминированный ее этикоцентризмом и проповедью абсолютного подхода к жизни» [3, с. 43]. Одни мыслители видели в праве могилу правды, другие — этический минимум, третьи отождествляли его с насилием и принуждением, т.е. трактовали право с позиций нравственности или голого прагматизма. Особенно отметим, что право и, соответственно, права личности и ее неприкосновенность находились на периферии общественного сознания и являлись, по сути, третьестепенными ценностями.

Советское общество унаследовало основные представления о праве, бытовавшие в царской России. До 30-х годов XX в. господствовали нигилистические взгляды по отношению к праву как явлению буржуазному, ожидалось его скорейшее отмирание (вместе с государством), отрицалась возможность социалистического права. Однако со второй половины 30-х гг. возобладали позиция, признающая социалистическое право в виде совокупности приказных норм и установлений. «При таком подходе стирается всякое различие между правом и произволом, а сам закон из правового явления (формы выражения права) превращается в средство противоправного нормотворчества и инструмент насилия». Лишь в 70-80-е гг. в советской теории права появилась концепция различения права и закона, критикующая антиправовое законодательство. В это же время право впервые начинает рассматриваться в качестве всеобщей и равной меры свободы [9].

Современная российская действительность характеризуется ослаблением действия всех видов социальных норм, с одной стороны, и наличием

в обществе настоятельной потребности в безопасности и порядке, с другой стороны.

Правовой нигилизм охватил все слои российского общества. Однако особую опасность представляют действия властвующей элиты в вопросе игнорирования выработанных и

Привычка к разумному поведению начинается с того, что многие люди начинают требовать чего-то как вполне естественного, справедливого и законного

проверенных веками политико-юридических правил [17].

Одной из причин низкого рейтинга правовых способов обеспечения ЛБ является неприятие россиянами безличных социальных технологий, а также равномерных и постоянных усилий по возделыванию «почвы» для создания более безопасного социального пространства» [11].

Однако привычка к разумному поведению начинается с того, что многие люди начинают требовать чего-то как вполне естественного, справедливого и законного, в результате в повседневной жизни россиян начинают появляться отдельные элементы нормативного поведения в вопросе защиты ЛБ — увеличение числа обращений в судебные инстанции, органы прокуратуры и МВД, требование представления адвоката, требование от властей обеспечить безопасность на улицах и в жилищах и др.

Параллельно этому процессу наблюдается возрождение примордиального сознания (в том числе серийных убийств, убийств на сексуальной почве, ритуальных убийств, жестоких убийств с расчленением тела, каннибализм и т.п.), пробуждающего древние архетипы [12]. Отсюда идет подпитка требований ужесточения наказаний преступников, зачастую непопулярность отмены смертной казни в отношении некоторой категории преступников, самосуд и месть со стороны родственников пострадавших лиц и т.п.

Таким образом, становление института ЛБ происходит и по сей день. На современном этапе развития российского общества проблема ЛБ приобрела особую актуальность, поскольку она для современной России является ключевой. Только на основе ЛБ человека можно проектировать и осуществлять меры по обеспечению безопасности общества и государства в целом. Вся деятельность государства, в том числе его юридических органов, должна быть обращена

в первую очередь к человеку, его интересам, правам и свободам [16, с. 119]. Одним из основополагающих факторов существования человека является его потребность в ценностях, которые направляют его суждения, поступки, вдохновения, чувства и мотивации, и основополагающей ценностью является безопасность, т.к., чувствуя себя в безопасности, человек, личность, индивид могут нормально существовать, жить, развиваться и осуществлять свои потребности, достигать определенных ценностей. Г.Гегель говорил, что все поступки (действия) людей «вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов» [7]. Таким образом, личностный интерес в безопасности человека основывается, наряду с естественными правами, на коренной потребности человека, которая суть потребность чувствовать себя и быть в безопасности. Уместно заметить, что практически во всех странах в XVII-XVIII вв. утверждается точка зрения, основанная на договорной теории происхождения государства, что суть государства сводится к обеспечению общего благосостояния и безопасности. В таком контексте само понятие «безопасность» получает в это время новую интерпретацию. Безопасность человека (личности) уже сводится, с одной стороны, к состоянию спокойствия, при котором отсутствует реальная опасность, с другой, в этом понятии находят отражение материальные, экономические, политические условия и, что особенно важно, соответствующие органы и организации, способствующие созданию (обеспечению) ситуации личного спокойствия.

Относительно безопасности конкретной личности интересным представляется высказывание французского философа П.-А. Гольбаха (1723-1789 гг.), который под безопасностью понимал «уверенность каждого члена общества в том, что он сможет распоряжаться своей личностью и своим имуществом, пользуясь охраной законов до тех пор, пока будет верно выполнять принятые им по отношению к обществу обязательства» [8]. Впервые нормативное закрепление естественной потребности человека в безопасности можно встретить в п. 2 Французской Декларации прав человека и гражданина от 26.08.1789. В этом документе была отражена естественно-правовая концепция, где в числе основных естественных прав были выделены право на свободу, собственность, безопасность, сопротивление угнетению. Другими словами, в данном документе фактически впервые было

определено ключевое место права личности на безопасность в системе естественных прав человека.

Как справедливо пишет А.К.Тихонов, «безопасность представляет собой оценочную категорию, суждение о такой положительной ценностной характеристике объекта, которая удовлетворяет человеческую потребность и является существенным благом для личности...» [13].

ЛБ получает свое воплощение через качество конституционно-правового закрепления конституционных прав и свобод, позволяющего придать отношениям между государством и личностью по поводу безопасности последней характер «социальной функции», заменив ею имеющиеся сейчас отношения благотворительности [16, с. 114]. Отсутствие частички такой функции в каждом праве, свободе или обязанности, неопределенность, размытость его конституционной конструкции негативно сказывается на правовом положении личности, снижает уровень конституционного сознания правоприменителя, а также степень доверия и уважения самих граждан к собственным правам.

Поэтому, как всякая жизненно важная ценность, ЛБ занимает особое место в иерархии правовых ценностей, требует общественной и государственной регуляции. На основе ценностных представлений о безопасности в сфере личности осуществляются и разворачиваются правовые институты. С их помощью обеспечивается объединение разрозненных усилий индивидов, социальных слоёв, социума в целом для решения общих задач в интересах самосохранения, выживания и развития. Безопасность, таким образом, выступает в качестве интегративного компонента в реальности. Без учёта безопасности личности, общества и государства невозможна эффективная политика, поскольку высшие ценности отражают фундаментальные отношения и потребности людей. В то же время ценностные ориентации различных общественных групп и отдельных личностей могут не совпадать.

Поэтому не только личность несет ответственность перед государством в случае нарушения ЛБ, но и государство в лице своих правоохранительных органов ответственно за ее соблюдение. Поэтому ЛБ должна рассматриваться как ценность, которая регулирует отношения взаимной ответственности личности и государства по поводу ее осуществления.

1. *Алексеев С.С.* Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. М., 2001.
2. *Архимандрит Сергей (Страгородский)*. Православное учение о спасении. М., 1991.
3. *Баранов П.П.* Вопросы типологии российской правовой культуры // Право и культура: проблемы взаимосвязи. Ростов н/Д, 1996.
4. *Безопасность России: XXI век / Отв. ред. А.В.Загорский.* М., 2000. С. 140.
5. *Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Словарь терминов и определений.* М., 1999.
6. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / Под ред. В.И.Даниленко. Пер. с фр. М., 2000. С. 57.
7. *Гегель Г.В.Ф.* Соч. М.; Л., 1935. Т. 8. С. 328.
8. *Глухарева Л.И.* Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М., 2003. С. 88.
9. *Глушкова С.И.* Права человека в России: теория, история, практика. М., 2003. С. 280.
10. *Курс уголовного права. Т. 3. Особенная часть / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой.* М., 1999.
11. *Нерсесянц В.С.* Право. Свобода. Демократия (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 14-17.
12. *Правовая мысль: Антология / Авт.-сост. В.П.Малахов.* М.; Екатеринбург, 2003. С. 141.
13. *Семитко А.П.* Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 18-22.
14. *Синюков В.Н.* Правовые системы и правовые семьи // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И.Матузова, А.В.Малько. М., 1997.
15. *Степашин С.В.* Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы). СПб., 1994. С. 131.
16. *Тер-Акопов А.А.* Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М., 1998.
17. *Тихонов А.К.* Сущность категории личной безопасности и ее соотношение с категориями чести и достоинства // Правоведение. 1998. № 1. С. 27-35.
18. *Хрестоматия истории государства и права / Под ред. Ю.П.Титова.* М., 1994. С. 373.

Historical traditions and social and legal value of personal safety

A.N. Agapov, Penza State University

The article reveals the essence of the historical traditions and socio-legal value of personal safety. The main attention is paid to the history of the development of standards relating to personal safety in Russia (considered are the peculiarities and the main stages), the examination of personal security as a vital values and the deep origins of the social archetypes.

Key Words: *personal safety, socio-legal value, historical traditions, legal culture, nihilism, legal values*

Corresponding address: *aleksei_agapov@inbox.ru*